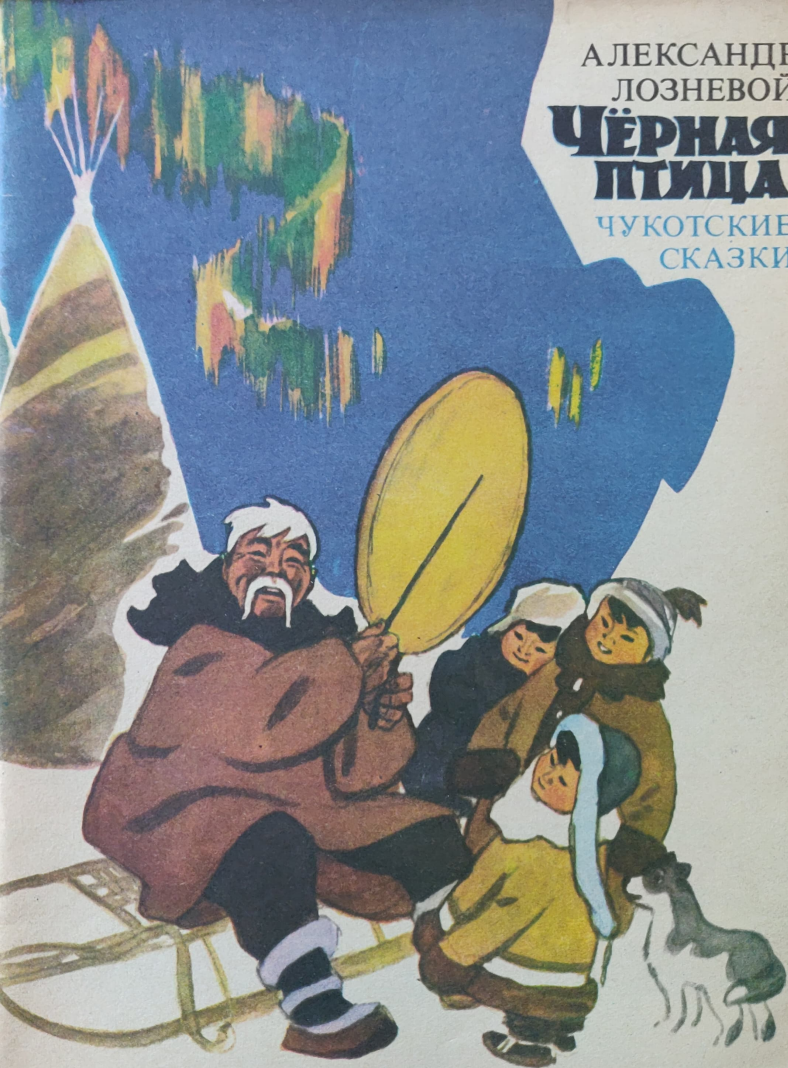

АЛЕКСАНДР
ЛОЗНЕВОЙ
**ЧЁРНАЯ
ПТИЦА**
ЧУКОТСКИЕ
СКАЗКИ

ЧЁРНАЯ ПТИЦА

Это было так давно, что никто не помнит, когда это было.

На севере у самого Ледяного моря жили охотники-зверобои. Жили они — не тужили. Но вот выпал плохой год, и как ни старались охотники, не смогли запасться пищей на зиму. А зима пришла лютая, небывалая: сковала море льдом, яранги снегом занесла — с землёй сравняла. Трудно добыть пищу в такое время. И люди стали умирать с голоду.

Но смерть не в каждую ярангу зашла, не каждого с собой увела. Многие дождались лета. Солнце теперь почти не садилось: окунётся в море и опять светит. Обрадовались люди. Да и как не радоваться! Поломался лёд на море, в разводьях нерпы появились, занграл сивуч на волне, птицы разные поналетели. Пришло время охоты. Взяли зверобои копыя, стрелы, подняли и понесли к морю свои лёгкие лодки, обшитые крепкой моржовой кожей.

Но только подошли они к морю, как подул сильный ветер — на ногах устоять трудно. Разбушевалось Ледяное море, заходили волны, как горы высокие. Зашумели, загрохотали льды плавучие.

Страшным сделалось море.

— Нет, — сказал старый Аппа, — в такую погоду ничего не добудешь.

— Подождём до завтра, — сказали другие.

Всю ночь беспокойно стонало море. Билось о камни. Успокоилось только под утро. Проснулись охотники-зверобои — солнце светит, ветерок чуть дышит. Хорошо! Лучшей погоды и желать не надо. Взяли они копыя, стрелы и пошли к морю. Но едва спустили лодки на воду, как снова — откуда ни возмись — подул ветер. Заходили волны, как горы высокие. Зашумели, загрохотали льды плавучие. Темно вокруг стало.

И опять ни с чем вернулись домой зверобои.

Думают-гадают охотники, отчего такой ветер получается — понять не могут. Думают-гадают, а старый Аппа и говорит:

— Долго я на свете живу, много разных чудес повидал, а такого не видел. Глядите, вон над той горой туча, вроде как птица крыльями машет.

Глянули зверобои: туча и вправду на птицу похожа. Да, так и есть — птица! Огромная чёрная птица на скале сидит, крыльями машет, и оттого сильный ветер дует.

— Погибель всему пришла, — говорит старый Аппа, — не даст эта птица житья, голодом заморит.

— Убить её надо, — сказал Тыгрелькут, самый сильный и смелый из всех охотников.

Поглядели на него товарищи, переглянулись:

— Ну, что ж, — говорят, — иди и убей, если можешь.

— Чем с голоду умирать, лучше в бою погибнуть! — твёрдо сказал Тыгрелькут.

Как стоял, так и пошёл на гору, где сидела чёрная птица.

Три дня ждали его охотники. Три дня дул ветер сильнее прежнего. Тыгрелькут не вернулся.

— Пойду я на чёрную птицу, — сказал старый Аппа. Взял он лук со стрелами, копё и пошёл. Три дня ждали его зверобои. Три дня дул страшный ветер. Аппа не вернулся. После этого никто из охотников не решался сразиться с чёрной птицей. — Подождём, может, сама улетит, — говорили они. Шли дни, а чёрная птица по-прежнему не давала зверобоям выйти в море. Наступила тяжёлая пора. Люди съели последних собак. Осталось одно — смерть.

Вышел мальчик Чочой из яранги и громко, чтоб все слышали, крикнул:

— Я пойду на чёрную птицу!

Не один раз бывал он в горах, ловко лазил по скалам, но все взрослые только недоверчиво замотали головами:

— Ну, куда тебе!

— Всё равно пойду! — не отступал мальчик.

Идти было нелегко. Ветер сбивал с ног, пронизывал кухлянку, добирался до костей. Но к вечеру Чочой уже был у подножия горы. Он устал, хотелось отдохнуть, а заодно и подождать пока стемнеет, чтобы потом незаметно подойти к чёрной птице. Присев у старого камня-валуна, он вынул стрелу из-за пазухи и стал точить её о камень. И вдруг — что такое — старый камень-валун заговорил человеческим голосом:

— С начала жизни лежу на этом месте. Один мой бок никогда не видел солнца. Вот если бы кто перевернул меня...

— Я помогу тебе, — сказал Чочой.

Камень только вздохнул и ничего не ответил.

А Чочой уже навалился на него изо всех сил. Попробовал с одной, с другой стороны, но не сдвинул его с места даже на палец. И тут понял Чочой: нужна не сила — смекалка.

Спустился в ущелье, набрал глины и запрудил ручей, что протекал рядом с камнем. Вода в ручье быстро поднялась, потекла под камень, размыва почву — и старый валун перевернулся на другой бок.

— Спасибо тебе, мальчик! — обрадовался камень. — Раста большим, будь сильным и смелым. А будет тебе трудно — повтори эти слова, — и шёпотом произнёс: — Горы высокие, моря глубокие — силы могучие!

Чочой поклонился старому камню и двинулся в путь.

Идти стало ещё труднее. С моря напылав туман, и тропа под ногами становилась скользкой. Чочой подскользнулся и чуть было не упал в пропасть. Он думал вернуться, подождать до утра, но, услышав хлопанье крыльев, понял: чёрная птица недалеко и сейчас самое время рассчитаться с нею.

Хватаясь за выступы скал, мальчик упорно продвигался вперед. Ни туман, ни мрак — ничто, казалось, не может помешать ему. Ещё немного — и он увидит чёрную птицу. Но тут налетел такой ветер, что мальчик, не успев произнести слова старого камня, упал, покатылся вниз, в ущелье.

Долго лежал без движения Чочой и очнулся только под утро. Лицо и руки в крови, кухлянка — в дырах. Было страшно, но он поднялся и снова пошёл на гору.

Забрезжил рассвет, и Чочой увидел чёрную птицу. Она сидела на вершине скалы и как будто спала. «Только бы не вспугнуть!», — думал Чочой. Он натянул тугую тетиву. Нацелился. Подул ветер... Птица вдруг взмахнула крыльями. Но стрела, выпущенная Чочоем, впиалась ей в крыло, и оно повисло. Птица сверк-

нула глазами и с яростью бросилась на мальчика. «Горы высокие, моря глубокие...» — вспомнил он слова, и его тело в один миг сделалось твердым, как камень.

Напрасно клевала, била его крылом чёрная птица. Растеряв силы, она ослабела, свернулась в клубок и повалилась в ущелье.

Вышли зверобои из своих яранг и удивились — страшного ветра как не бывало. Яркое светило солнце, плескалось море. Покачиваясь на волнах, плыли голубые льдины. А в разводах — сивучи, нерпы... На лежбище под весенним солнцем грелись моржи.

В этот день все — от мала до велика — вышли на охоту. Многие вернулись с богатой добычей. И когда в стойбище начался праздник, шаман бил в бубен и громко выкрикивал:

— Это я победил чёрную птицу! Я остановил ветер!..

И требовал пожертвования, потому что злые духи могут оживить птицу, если их не задобрить. Люди верили, что он и вправду убил чёрную птицу, и отдавали ему всё, что имели: мясо, меха, одежду...

Но вот в стойбище появился Чочой. От усталости он еле стоял на ногах. Вместо кухлянки с его плеч свисали лохмотья. Лицо и руки в царапинах, но он улыбался.

В руках Чочоя все увидели большое чёрное перо и сразу поняли, откуда оно. Догадался и старый шаман, перестал бить в бубен, закрылся в яранге. Он теперь думал, как избавиться от Чочоя. Но зверобои решили по-своему: усадили мальчика на самом почётном месте. Поднесли ему лучшие кушанья. А потом, взявшись за руки, долго плясали и пели, прославляя героя, избавившего их от чёрной птицы.

Праздник затянулся до самой ночи. В небе зажглись звёзды, побежали огни сияния... Всё вокруг радовалось. Охотник Кымын вывел Чочоя на середину и вручил ему, как полагалось по обычаю, копё из моржовой кости, расписанное в цвета моря и гор Чукотки.

ВСЕМОГУЩАЯ КАТГЫРГЫН

Давно когда-то на Чукотке жила всемогущая Катгыргын. Сказывали, будто Катгыргын на тысячи вёрст вокруг властвовала. Захочет, например, человека в зверя превратить — дунет, плонет, и вместо человека какой-нибудь песец появится.

Где яранга её стояла, никто не знал, но появлялась она всюду и много людям зла делала. Придёт человек с охоты, свалит моржа с нарты и начинает его разделывать. Вдруг смотрит, а под ножом у него не морж, а камень. А то ещё, бывало, прибежит заяц в стойбище так и танцует, будто просит: «Стреляйте в меня!» Схватят охотники ружья, нацелятся — а у них вместо ружей собачьи хвосты в руках.

А ещё слух шёл, будто служили у неё на посылах рыбка-сайка, серый зайка, олень рогатый, волк зубатый, медуза скользкая, белая лисица, кайра — чёрная птица, северная берёзка да мох подснежный, что ягелем прозывается. И все эти слуги тоже тайную силу имели. Правда, они могли превращать врагов своих только в самые безобидные существа, и то раз в жизни, когда им самим смерть угрожала.

Так уж пожелала всемогущая Катгыргын.

Много слышал об этом охотник Тынэн, но не во всё верил.

Однажды пришёл он с охоты и говорит жене:

— Что ж ты, жёнушка, лежишь? Взяла бы хоть кухлянку починила. Видишь, вся в дырах.

— Возьми и почини, коли тебе охота!

— Устал я. Да и не мужское это дело...

— Ну, как знаешь, а мне спать хочется!

— Что ж это такое? — удивился Тынэн. — Я продрог, хочу есть, а ты даже доброго слова сказать не желаешь.

Крепко поругался охотник с женой и решил от неё уйти. Сунул кусок вяленого мяса за пазуху, вскинул ружьё на ремень и пошёл куда глаза глядят.

Долго ли, коротко шёл, видит — перед ним ущелье. Слева и справа чёрные

скалы стоят, острыми пиками небо подпирают. Чёрные тучи плывут над пиками. И тут как раз вечер спускается. Подумал Тынэн: «Куда в темноте идти — надо на ночьле устроиваться». Смотрит, пещера. «Что ж, — думает, — зайду». Не успел, однако, и шага сделать, как из пещеры вышла старуха. Худая, горбатая, нос крючком, голова торчком, зубы, как клыки у моржа, длинные-предлинные.

— А-а-а, Тынэн?.. Давно тебя жду.

Удивился охотник: откуда она его имя знает? А старуха:

— Я всё знаю! Мне всё известно!..

И Тынэн понял, что попал он в лапы самой Катгыргын. Что ж ему теперь делать?

А старуха продолжает:

— Много у меня всяких слуг — и птицы, и звери, и растения разные, а человека нет... Слушай, охотник Тынэн, отныне будешь моим слугой. Будешь делать всё, что я тебе прикажу!

— А если я не желаю? — сказал охотник и вскинул ружьё.

— Ух ты, какой прыткий! — рассмеялась старуха. — Убить меня, что ли, хочешь?.. Да ты глуп, из чего стрелять-то будешь!

Глянул охотник, а в руках у него палка. Кривая, суковатая.

Замахнулся он палкой да сразу и руки опустил. Ни с того, ни с сего началась пурга, стало темно, как ночью.

Зарылся охотник в снег, ждёт, пока пурга стихнет, а она всё сильнее разгрявается. Ждал-ждал, видит, не переждать, поднялся и пошёл домой. Долго ходил по глубокому снегу, но дороги в стойбище так и не нашёл. Устал Тынэн, совсем из сил выбился — повалился в снег и заснул. А когда проснулся, видит — перед ним та же пещера, та же страшная старуха сидит, оленьими рогами волосы расчёсывает.

— Ну, как, охотничек, теперь согласен? — спрашивает.

Подумал охотник — выхода нет.

— Ладно, — говорит, — согласен. — Только дай мне сначала поесть. Проголодался я...

Тряхнула старуха волосами — и сразу оленья упряжка появилась. А в нарте всевозможные кушанья: и печёнка тюленья, и оленина, и мясо вяленое, что копылькой называется. Всё перепробовал Тынэн, наелся досыта, залил чаем.

— Ну вот и хорошо, — говорит старуха. — Теперь я спать лягу, а ты смотри, никого ко мне не пускай. Пустишь — в ледяную сосульку превращу!

Стоит охотник, грустную думу думает: как ему отсюда выбраться. Стоит, думает, а в это время белый медведь к пещере подходит.

— Тебе что здесь надо? — спрашивает охотник.

— Хочу всемогущую Катгыргын видеть.

— Не пушу.

— Как это — не пустишь? Да ты знаешь, кто я такой? Я её первый слуга!

— Кто б ты ни был, а иди туда, откуда пришёл.

Разозлился медведь, зубы оскалил, вот-вот на охотника набросится. Вскинул охотник ружьё. Курки взвёл...

— Погоди, — говорит медведь, — не стреляй. — Да как рывкнет:

— Будь ты зайцем!

И стал Тынэн зайцем.

Попрыгал у пещеры, попробовал ружье взять — ничего не выходит. И понял заяц, что у него теперь одно спасение — ноги. Повернулся, сделал петлю и поскакал к стойбищу. Долго ли, коротко скакал, и сам того не заметил, как очутился возле своей яранги.

— Открой, жена, это я, твой муж, Тынэни!..
Выглянула жена из яранги да как захохочет:

— Видано ли, чтоб мой муж да был зайцем!.. Уходи, пока собак не спустила!

Напугался заяц, побежал в тундру. Там спокойнее. Долго бежал, проголодался, а вокруг ни травинки, ни листика, всё белым снегом замело. Сел заяц и заплакал горькими слезами. Вдруг видит — там, где слезинки упали, снег растаял и мох-ягель показался. Потянулся заяц к ягелю. Испугался ягель, что заяц его съест, да как крикнет:

— Будь ты тюленем!

И стал заяц тюленем. Лежит на снегу, о воде мечтает. А до воды не близко. Весь день полз. Дополз-таки!.. Плывёт тюлень по морю, а впереди рыба-сайка играет. «Ага,— думает тюлень,— вот я и поем». Только за ней погнался, а она:

— Будь ты волком!

И стал тюлень волком. Бьёт лапами по воде, того и гляди утонет. Но всё-таки выбрался на берег. Стоит у камня весь в ледяных сосульках, дрожит, зуб на зуб не попадает. А в это время белая лисица бежит. Волк — за ней. Вот-вот нагонит. Но тут лисица свернула в сторону да как крикнет:

— Будь ты кайрой!

И сделался волк кайрой. Летит кайра над морем, еле на крыльях держится — так есть хочет. Заметила медузу — и к ней. А медуза:

— Будь ты оленем!

И стала кайра оленем. Плывёт олень по морю, одни рога из воды торчат. Вот-вот утонет. Но, к счастью, море стало замерзать — и он по льду вышел на берег. Трясётся от холода, страшно есть хочет, а вокруг пусто — только снег да скалы. И побежал олень в тундру. Бежит, а на пути северная берёзка стоит. «Дай-ка хоть коры погладю», — думает олень. И только прикоснулся к берёзке, а она как встрепёнется:

— Будь ты человеком!

И стал Тынэни снова человеком.

Пришёл домой, сел на медвежьи шкуры и про всё, что с ним случилось, начинает жене рассказывать.

— Многого на свете, — говорит, — видел, а такого не приходилось.

— Ты ещё не то увидишь!

— Как так? — удивился муж.

— А так! Я и есть всемогущая Каттыргын!..

У мужа по спине мурашки поползли, но он виду не подаёт:

— Ни за что, — говорит, — не поверю, чтоб моя жена да была колдуньей! Каттыргын мухой может сделаться, а ты разве можешь?

— Не то что мухой — комаром сделаюсь!

И только эти слова произнесла, как на глазах исчезла. А в яранге вместо неё маленький комарик появился. Летает, зудит.

Уселся комарик на руку охотника, а охотник — хлоп его — и раздавил. С тех пор, говорят, и не стало всемогущей колдуньи на Чукотке.

МЕДВЕДЬ И ВЕТЕР

Стоит белый медведь на льдине, вдаль поглядывает, передней лапой глаза от солнца прикрыл, всматривается: так и есть, нерпа! Прилёг на живот и пополз к разводу. Но нерпа заметила его и отплыла дальше. Медведь за ней — она ещё дальше.

«Эх, — думает медведь, — был бы у меня друг, мы бы с ним зашли с разных сторон — никуда ей не деться».

Но друга у него не было.

И вдруг — что такое? У самой его морды снежная пыль поднялась, шорох послышался. Насторожился медведь. По правде сказать, он немного струсил. Да стоит ли показывать свою трусость! Встал на дыбы, когти выпустил, зычным голосом спрашивает:

— Кто это снегом в глаза бросается?

А в ответ ему слабенький голосок:

— Это я, ветер...

— Как ты посмел?! — рычит медведь.

— Не сердись, — послышался тот же голосок. — Помоги мне...

— Гм-м... Как же я тебе помогу?

— Очень просто: подуй — я силы и наберусь.

— А чем ты мне отплатишь? — спрашивает медведь.

— Я тебе льдину пригоню, на которой нерпы спят.

Обрадовался медведь:

— Если так, давай с тобой дружить будем!

— Давай, — соглашается ветер. — В дружбе большая сила.

Набрал медведь побольше воздуха в лёгкие и сильно подул. Ветер тотчас зашевелился, ожил, расправил крылья и улетел в море.

Не успел медведь глазом моргнуть, как ветер ему льдину гонит. А на льдине столько нерп, что и сосчитать невозможно. Наелся медведь, развалился

на льдине, одну лапу под голову положил, другой прикрылся и сладко заснул.

Весь день и всю ночь гулял ветер по морю, а на рассвете совсем изнемог. Усталый, ослабевший, опустился на льдину, где медведь спал, и стал его звать:

— Помоги, дружище!..

Медведь заворочался, улёгся поудобнее и даже не отозвался.

— Спаса-а-й, погиба-а-ю! — громче закричал ветер.

Медведь приоткрыл один глаз и сонным голосом говорит:

— Нехороший ты какой. Видишь, я сплю, а ты крик поднимаешь.

Поднялся с трудом обманутый ветер, поплёлся над морем. Летит, еле на крыльях держится, вот-вот упадёт и утонет.

Но в тот самый миг, когда обессиленный ветер коснулся воды, под ним появился огромный кит и с силой выдохнул воздух. А ветру того и надо было: оживился, обрадовался, пошёл гулять по морю.

Долго летал ветер, устал и решил ещё раз побывать у своего друга — медведя. Подлетает к льдине, смотрит, а медведь по-прежнему спит, похрапывает, сытое брюхо ходуном ходит.

Рассердился ветер, бросился вихрем вниз, подхватил и погнал огромную льдину к берегу. А там, у воды, охотник добычу выжидал. Увидел охотник спящего медведя и в один миг связал его крепкой верёвкой.

Ревет медведь, помощи просит. А ветер говорит:

— Хорошие друзья так не делают, они всегда о дружбе помнят, а не только тогда, когда им самим трудно.

Так и кончилась дружба у медведя с ветром.

КАК ВОРОНА ЛИСУ ПЕРЕХИТРИЛА

Идёт лиса по ушелю, еле ноги передвигает: три дня в рот ничего не брала, хоть ложись да и с голоду помирай. Идёт, по сторонам поглядывает: летом здесь речка текла, в речке рыба плавала, всякие зверьки на берегу резвились. А сейчас снег кругом, всё ледяной коркой подёрнулось. Улетели гаги жирные, исчезли кайры залётные, суслик-хитрец до весны в норе дремлет. Даже рыбка-сайка и та на дно моря спряталась.

Трудно прожить в такое время!

Подняла лиса морду, видит, на вершине горы ворона сидит.

— Вот и обед! — обрадовалась она.

Воронье мясо хоть и не то, что гагачье, а всё лучше, чем ничего. Долго ползла хитрая, боялась, как бы себя не выдать. И вот до вороны совсем близко. Приготовилась, замерла... Но только хотела прыгнуть — ворона расправила крылья и вылетела. Разозлилась лиса, но виду не подаёт: лежит на горе, будто мёртвая. Лежит, думает: «Ворона — птица глупая, на падаль охотница. Налетается, съедет...»

Кружит ворона над лисой и тоже думает: «Ещё посмотрим, кто кого перехитрит».

Лежит лиса, не шелохнется, лишь изредка одним глазом на ворону по-смастывает.

К полудню подул сильный ветер. Стало немоготу от холода. На горе не то, что в ущелье. Лиса тут снова начинает хитрить. Потягивается, вроде как бы только проснулась, протирает глаза и ленивым сонным голосом говорит:

- Доброе утро, ворона!
- Здравствуй, лиса-чुकотница.
- Скажи, пожалуйста, что ты тут делаешь?
- Как что? С ледяной горы катаюсь,— отвечает ворона.
- И зачем тебе это надо?

— Э-э, лиса, если б не катанье, давно бы с голоду сдохла. А так вот катаюсь — и совсем про еду забыла.

Ворона поджала ноги, опустилась на живот и быстро понеслась по скользкой горе к морю. Когда до воды осталось совсем близко, она расправила крылья и поднялась в воздух. Возвратившись на гору, ворона опять покатила вниз.

Катанье лисе очень понравилось.

— Жаль, не умею летать, а то бы сейчас попробовала...

— Велика беда — летать не умеешь. Зато ты хорошо плаваешь,— рассудила ворона.

— И то правда,— согласилась лиса. — Ладно, так и быть, давай попробуем, только рядышком...

А себе на уме: «Я её, глупую, как раз тут и спаваю».

Приготовились обе, но держатся всё-таки поодаль друг от дружки.

- Ты, ворона, придвинься поближе,— советует лиса.
- Боюсь, как бы нам тесно не было,— отвечает ворона.
- В тесноте, да не в обиде...

— Ой, заговорились мы с тобой, лиса-чукотница,— спохватилась ворона. — Так и вправду можно с голоду умереть... Поехали!

Оттолкнулись и понеслись по скользкому склону. Понеслись так быстро, что лиса не успела опомниться, как перед нею открылось море. Ворона вмиг расправила крылья и полетела, а лиса с разгона бутылкнулась в воду.

Накатилась волна и накрыла лису-чукотницу с головой. Другая волна подняла её на самый гребень и с размаху ударила о прибрежные камни. Когда море выбросило лису на берег, старая ворона кружилась высоко в воздухе.

ОЛЕНЬ И МОРСКОЙ БЫЧОК

Олень пришёл на берег моря, попробовал горькой воды, помыл копыта, стоит, отдыхает. А морской бычок высунул голову из воды и говорит:

— Смотрю я на тебя, олень, и диву даюсь. Уж больно ты некрасивый: рогатый да пузатый... И ноги у тебя тонкие, кривые...

Олень поддел бычка рогами и выбросил на берег.

Легит бычок на камнях, олень просит:

— Столкни меня, братец, в море, а то высохну на ветру, погибну.

Выслушал его олень — жалко стало.

— Ну что ж, плыви! — и толкнул его в воду.

Стоит олень на берегу, на солнышке греется. Смотрит, а рядом бычок всплыл и опять насмехается:

— Хоть у тебя и четыре ноги, а плавать ты не умеешь! И куда тебе до меня — горбатому да пузатому!..

Олень поддел бычка рогами и выбросил его на камни.

Шевелит бычок плавниками, вертит хвостом, а с места сдвинуться не может. И снова просит:

— Столкни, братец, в воду, а то помру... Больше никогда плохого про тебя говорить не буду.

Смотрит олень, бычок и вправду помирает.

— Ладно,— говорит,— плыви!

Отлежался бычок на дне, всплыл и снова оленя срамить начинает.

— Да у тебя и хвоста-то нет! Вот образина так образина! Глядеть тошно!

Разсердился олень, поддел бычка рогами и бросил его подальше от воды. А сам ускорился в горы.

ХУДАЯ СЛАВА

Пошёл Памье на охоту и потерял копыё. Хорошее было копыё — лёгкое, крепкое. Поник головою Памье: нет копыя — нет охоты, а без охоты что за жизнь!

Уставший, злой, поплёлся в стойбище, пыхтя трубкой и спотыкаясь о камни. Уже вечерело, а до стойбища не близко: засветло не дойти.

Смотрит, в долине яранга стоит. Обрадовался Памье, подошёл к ярангу:

— Я устал и хочу есть...

— Входи, гостем будешь, — ответил Ако, хозяин яранги.

Накормил Ако гостя копальхой, чаем напоил, предложил постель.

Ткнулся Памье в мягкие медвежьи шкуры и сразу заснул.

Улёгся и хозяин.

За тонкой стенкой яранги шумел ветер, лил дождь, но здесь, в пологе, было тепло и сухо.

Проснулся охотник среди ночи, а гость, оказывается, уже встал и собирается уходить.

— Куда в такую рань?

— Надо идти...

— Погоди, чайку попьём, успеешь.

— Нет, нет, — покачал головою гость. — Спешить надо.

«У каждого свои дела, свои заботы», — подумал Ако и встал, чтобы проводить гостя.

А гость мнётся, что-то хочет сказать, и вроде не смеет.

— Может, тебе что нужно? — спросил хозяин.

— Ага, очень нужно!... — ухватился за слово гость. — На дворе дождь, ветер, в такую погоду немудрено и со зверем повстречаться, а у меня, кроме палки, никакого оружия... Одолжи копыё.

— Да-а-а, — протянул хозяин. — Одолжить-то можно, но с чем сам останусь? Чуть свет на охоту идти надо...

— А ты не ходи на охоту.

— Рад не идти, да есть нечего.

Гость промолчал, постоял немного и вышел в чоттагын. Ако услышал его шаги за пологом. «Ушёл», — подумал он.

Хозяин улёгся и опять заснул. Проснулся на рассвете: пора на охоту. Одеся, сунул кусок копальхи за пазуху, и вышел в чоттагын, копыё взяв. Смотрит, а на месте копыя — кривая суковатая палка. Это же палка его гостя! Он, Памье, выходит, взял копыё и оставил эту ни на что не пригодную палку.

Крепко обиделся на гостя Ако и решил во что бы то ни стало разыскать его. Весь день искал, все тропы вокруг исходил, но так и не нашёл. «Может, он к морю направился?» — подумал Ако и наутро пошёл к морю. Всё побережье исходил, а вора и там не было.

Тогда взял он с собою собаку Белую. Понюхала Белая след, побежала к речке. Хозяин едва поспевал за нею. У речки повернула вниз по течению и к вечеру привела Ако в большое стойбище. Обнюхала одну, другую ярангу, подошла к третьей и вдруг громко залаяла.

Открыл Ако дверцу и сразу увидел того, кого искал. Памье сидел на шурах и, как ни в чем не бывало, ел рыбу, заедая её жиром.

— Я принял тебя, как надо по обычаю, — начал Ако. — Накормил, уложил спать, а ты вместо благодарности... обокрал меня. Я пришёл, чтобы взять у тебя своё копыё.

— Нет у меня твоего копыя!

— Неправда, стоит в чоттагыне.

— Ты, наверно, ослеп, — сказал Памье. — Там, в чоттагыне, шест.

— Я своё копыё знаю — четыре зарубки на нём...

— Может быть, и так, но в чоттагыне — шест, — и Памье поспешно вышел в чоттагын.

Ако шагнул следом — в чоттагыне действительно стоял шест.

— Ты спрятал копыё.

— Как я мог спрятать то, чего здесь не было, — пожал плечами Памье.

Но Ако ясно видел четыре зарубки на копенце. Четыре зарубки — это четыре медведя, которых он убил.

— Слушай, Памье, — снова заговорил он. — Ты взял копыё, и я пришёл наказать тебя. Сам знаешь, какое наказание ждёт вора. Но я не буду тебя выгонять из стойбища. Не буду бросать в море. Я только скажу: может, ты ошибся? Забыл законы Севера?

— Вижу, ты добрый, — отозвался Памье. — Прости. Мне стыдно. Я верну копыё... Завтра же и верну.

Прошёл день, прошёл второй, но Памье так и не вернул копыя.

Подождал Ако ещё три дня и опять поехал в большое стойбище.

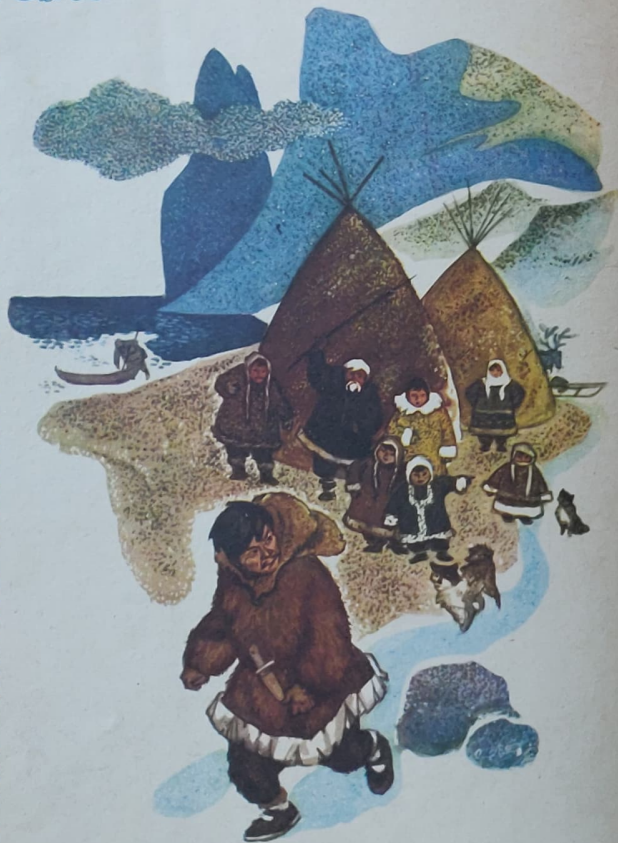
Нет, не вошёл он на этот раз в ярангу вора! Не стал с ним разговаривать. Зашёл к его соседу и про всё, как было, рассказал ему.

На второй день вышел Памье из яранги и удивился: люди будто не замечают его. Отворачиваются.

— Что случилось? — спрашивает.

А они и говорить не желают.

Постоял Памье у яранги, подался в конец стойбища, где мальчишки в снежки играли, и вдруг услышал:

— Смотрите, вор!.. Он копыё у бедного охотника украл!

Вскипел Памье, пустился догонять мальчишек, а они разбежались в стороны и опять: «Вор!.. Вор!»

Так и пошла о нём худая слава.

Пошла, полетела от одного стойбища к другому.

Где бы ни появлялся потом Памье, на него показывали пальцем. Особенно не взлюбили его охотники-зверобой: повстречаются — стороной обходят. «Никто не пойдёт за вора замуж!» — решили девушки. А старики сказали:

— Вору не место в стойбище!

Трудно стало жить Памье, и он задумал уехать из родных мест. Ночью, чтоо никто не видел, наладил упряжку в десять собак и погнал её к реке Анадырь.

Три дня и три ночи бежала упряжка, на четвёртые сутки прибыла в стойбище, что стояло на самом берегу реки. «Ну,— сказал Памье,— тут я и живу». И только начал собак распрягать, а люди:

— Смотрите, да это же вор приехал!.. Чего тебе здесь надо?!

Памье хотел было заговорить с местными жителями, попросить их, но ему и рта не дали раскрыть:

— Уходи отсюда!

Развернул Памье упряжку, погнал от реки Анадырь на север. Долго ехал по свежему насту, и вот увидел стойбище — три яранги стоят. «Дай,— думает,— поставлю четвёртую». Но худая слава уже была здесь:

— Берегитесь, вор приехал!.. Гоните вора! — слышались голоса.

Молча, ни на кого не глядя, развернул он упряжку и помчался на берег моря, в надежде найти там пристанище у рыбаков и зверобоев. Но едва подъехал к морю, как услышал их выкрики:

— Не надо нам вора!.. Не надо!

И Памье, не дав отдохнуть упряжке, погнал её в тундру. Он решил наконец уйти от молвы. Но разве от неё уйдёшь? Едва сошёл с нарты, а молва уже здесь.

Не приняли оленеводы вора, не стали с ним разговаривать. Все, к кому ни обращался, молча отворачивались от него, уходили прочь. Даже олени, завидев упряжку Памье, шарахались в стороны.

Долго ездил Памье по горам и долинам, но так и не смог найти пристанища.

Исхудалый, оборванный, прибилс он в стойбище, где всё ещё стояла яранга Ако, и, увидев хозяина, сказал:

— Я копыё привёз.

Ако только взглянул на него и ничего не ответил.

— Твоё копыё..

Хозяин повернулся к нему спиной, как бы говоря: «Не о чем нам с тобой разговаривать. Уходи отсюда».

И Памье понял: не будет ему прощения. Угрюмый, злой, вышел из яранги, сел в нарту и погнал собак, сам не зная куда.

День, два гнал. Десять дней гнал. Измученные, голодные собаки вскоре подошли, и он сам впрягся в нарту. Тянуть нарту было нелегко, и Памье, забравшись в глубокий снег, бросил её. Бросил всё, что у него было, оставив только копыё. Но теперь это краденое копыё жгло ему руки. Никогда не думал, что оно принесёт ему столько горя!

Молча, будто зверь, шёл Памье по горам и ущельям. Шёл и всё время думал, как ему избавиться от худой славы. В лицо бил ветер, мешал бить. Памье остановился на краю обрыва, глянул вниз, и подняв копьё, бросил его в пропасть.

Но и это не помогло.

«Во-о-о-р!» — свистел ветер. — Вор!.. Вор!..» — поскрипывал под ногами снег.

В полдень разыгралась пурга, стало темно, как ночью, и Памье сбился с пути. Хорошо бы укрыться, переждать, да где укрошьясь? С новой силой набрасывалась на него пурга, слепила, рвала на нём одежду, а затем и вовсе сбита с ног, завалила, засыпала снегом...

«Во-о-о-р!» — завывала пурга.

ЛИСА И МЕДВЕДЬ

Прижалась лиса в долине, где куропатки водились. Живёт — горя не знает. Одного боится, как бы сюда кто другой не пришёл.

Проснувшись однажды утром, слышит — чьи-то шаги. Выглянула из яранги — бурый медведь топает.

— Чего тебе здесь надо? — спрашивает лиса.

— Ничего, лисонька.

— Так что ж ты тут ходишь?

— Я, лисонька, путешествую. Надоело в лесу жить, дай, думаю, в тундру схожу, посмотрю, как звери живут.

«Этого ещё не хватало», — подумала лиса. Но тут же завилась хвостом, приглашает медведя к себе:

— Заходи, камчадал, гостем будешь.

Вошёл медведь в лисью ярангу, стал у входа — налюбоваться не может: чисто, тепло, постель гагачьим пухом выстлана. Сроду такого не видел.

— Да, — говорит медведь, — яранга у тебя замечательная... А что ты ешь?

— Пищи хватает. Больше птичками пользуюсь... А вот для таких, как ты, для гостей то есть, стадо оленей завела. Тут у горы пасётся... Может, видел?

— Так это — твоё? — удивился медведь.

— А чьё же! Я тут на всю округу одна. У меня этих оленей счёту нет. И все молодые, исправные...

Слушает медведь, а у самого слюнки текут: столько дней на одной морозке живёт. Как хорошо бы оленки попробовывать. А лиса говорит:

— Хочу угостить тебя, косолапый. Для такого гостя, как ты, лучшего оленя не пожалею. Только вот беда, что-то мне нездоровится, спину ломит, наверное, дождь будет. Сходи-ка ты сам за оленем.

Обраловалась медведь: «Вот наконец-то поем». Не пошёл, а побежал к стаду. Приметил оленя, что пожирнее, и стал его ловить. Всполошилось стадо.

Услышали шум пастухи, сидевшие под скалой, поднялись и — бегом к медведю:

— Тебе что здесь надо?

Так и так, отвечает медведь, оленя ловлю. Лиса приказала.

— Никакой лисы знать не знаем!

— Как не знаете? Чтобы хозяйки да не знают?..

— Не знаем и знать не хотим!

Рассердился медведь и — с ревом на пастухов! Но тут один из них вскинул лук и послал стрелу прямо в бок медведю. Заохал, застонал медведь, побежал назад к лисе:

— Вот они какие, твои пастухи, стрелами угощают.

— Ой, ты ж, горе моё! — забеспокоилась лиса. — Надо б тебе что-нибудь белое на себя накинуть. У нас тут все медведи белые, а ты вон какой, будто в грязи вывалялся. Вот пастухи и напугались... Да ты не хнычь, мигом стрелу вытяну!

Ухватилась лиса за стрелу и так и этак повернёт — ничего не получается. Тянула, тянула, да ещё дальше затолкала.

Тут медведь и слох.

Наелась лиса медвежатины и легла спать. Не успела, однако, глаз сомкнуть, как слышит, кто-то шумит поблизости. Осторожно выглянула из яранги, а это — горноста́й. Запыхался, слова сказать не может.

— Что случилось?

— Ой, лисонька, пастухи к тебе идут.

— Зачем это я им понадобилась?

— Медведь, говорят, у тебя скрывается... Сам слышал.

— Что же мне делать? — испугалась лиса. — Подскажи, горноста́йшка. Век не забуду.

— Беги!

— Куда бежать-то? Где они, пастухи?

— В скалы беги.

Бросилась лиса в скалы, а там как раз и поджидали её пастухи.

Как ни хитрила, всё же попалась.

СКАЗКА ПРО МАЛЬЧИКА ГАТТЭ, ПРО ЗЛУЮ МАЧЕХУ И ЗАМОРСКОГО ПАЗКА

Жил-был охотник Рантелё. Жена охотника умерла с голоду, а сын Гаттэ хоть и поголодал, а выжил. Бедно жил Рантелё. Кроме старой яранги да лука со стрелами, ничего у него не было.

Однажды, дожидаясь отца с охоты, Гаттэ всю ночь сидел у жирника, прилеж боялся. В эту ночь над стойбищем бушевала такая пурга, что казалось, вот-вот опрокинет она ярангу, шкуры в клювья разорвёт, по сторонам разметает. И он, Гаттэ, замёрзнет тогда, не дождавшись отца.

И вдруг мальчик услышал плач за дверью.

— Кто там?

— Это я, голодная собака... Меня зовут Серая.

Испугался мальчик, но тут ему в голову мысль пришла: «Если собака говорит по-человечески, чего ж тут бояться».

— Входи, — сказал он.

Серая переступила порог, лизнула руку Гаттэ и села в угол.

Накормил мальчик собаку, чем смог, приласкал её. А потом прилёг рядом и заснул. Тепло им вдвоём стало.

Утром пришёл отец. Увидел собаку в доме и тоже обрадовался. Как никак — хозяйство! Со временем, глядишь, и упряжка заведётся. Надоело ему на охоту пешком ходить.

Однажды вышел Гаттэ навстречу отцу, смотрит, а он не один домой возвращается, с чужой женщиной. Остановился, подойти ближе не решается. А отец говорит:

— Что ты, сынок, такой хмурый? Радоваться надо: теперь у тебя не только отец, но и мать будет, — и показал на женщину.

Глянул мальчик на мачеху и вздрогнул: уж больно глаза у неё злые, как иголки острые.

Наутро, чуть свет, Рантелё снова ушёл на охоту. Мачеха встала, оделась и принялась за завтрак, а Гаттэ словно не замечает. Ела она долго, до тех пор, пока от оленьей ножки ничего, кроме костей, не осталось. Уткнулся мальчик в шкуры и горько заплакал. А мачеха на него:

— Спишь долго! Встал бы да по хозяйству помоги! Вон хотя бы за своей собакой присмотрел, — и она пула ногою Серую.

Взвыла Серая, прижалась к Гаттэ.

— Пошла вон! — вскричала мачеха и вытолкала её в холодную часть яранги — чоттагын. — Там твоё собачье место! — пригрозила она.

Вечером отец принёс нерпу. Отдал добычу жене и говорит:

— Приготовь лучший кусок для сына, он у нас один, пусть растёт, сил набирается.

А мачеха:

— Я ли не забочусь о нём? Родная мать так не ухаживает за детьми!..

Услыхал это Гаттэ, проглотил слезу, а сказать не смеет.

— Что с тобою, сынок? — спрашивает отец.

Не вытерпел Гаттэ и стал отцу рассказывать. А мачеха:

— Неправда! Ничего этого не было. — И подаёт ему кусок мяса. — Ешь! Притих мальчик.

На следующий день, проводив мужа на охоту, мачеха подошла к Гаттэ:

— Так ты ещё и жаловаться?!.. — хмуря брови, сказала она. — Чтоб я тебя больше не видала! — и с этими словами вытолкала его в чоттагын к Серой.

Сел мальчик на холодный пол, задумался. Как быть, не знает.

— Бежим отсюда, хуже не будет, — сказала Серая.

Ночью, когда мачеха крепко спала, Гаттэ вышел на цыпочках вслед за Серой, и они побежали, не оглядываясь, подальше от моря, в тундру, к добрым и честным людям — оленеводам.

Долго бежали, а пути конца-краю не видно. Мальчик так устал, что не только бежать — идти дальше не мог. Посмотрела на него Серая да и говорит:

— Садись на меня да крепче держись!

Сел мальчик, ухватился за длинную шерсть, глаза закрыл. Зашумело, загудело всё вокруг: поскакал он верхом на Серой быстрее ветра.

Долго ли, коротко ли скакал, как вдруг почувствовал — к чему-то плечом прикоснулся. Открыл глаза, видит — каменный столб у дороги стоит, а за ним большое-пребольшое стойбище. Куда ни глянь, яранги видны. А одна яранга над всеми возвышается. И покрыта она не шкурами, а будто льдом. И лёд тот, видно, никогда не тает.

Вошёл Гаттэ в крайнюю ярангу — никого. Заглянул в другую — тоже пусто. Все яранги обошли с Серой — живого человека не встретили. Осталась одна — большая.

— Не погибать же нам с голоду! — сказал Гаттэ. — Зайдём и в эту.

И они направились к большой яранге. Едва подошли к порогу, как услышали голос:

— Входите, не бойтесь!

— А мы и не боимся,— сказал Гаттэ.

Переступили они порог и удивились. Чего только не было в яранге! Тут и оленье, и моржовое, и китовое мясо во всяком виде приготовлено. И жир полные корытца стоят... Но странно: Гаттэ своими ушами слышал голос, а никого нет. Где же хозяин? Только так подумал, как из полога черный шар выкатился. Присмотрелся мальчик, это — человек, толстый-претолстый. Живот его так разросся, что за ним ни лица, ни ног не видно. Точь-в-точь паук.

— Ну, что ж, угащайтесь. Ешьте, что хотите, а то уж больно вы худые,— сказал человек-паук.

Взял мальчик кусок оленьея мяса, разделил на две части: одну — Серой, другую — себе. Поели, повеселели.

— Теперь можно и спать ложиться,— сказал хозяин.— Да вы не стесняйтесь. Будьте как дома.

Сам он лёг с левого края полога, Гаттэ — с правого, а Серая у мальчика в ногах в колечко свернулась. Гаттэ сразу заснул... А Серая одним глазом спит, а другим за хозяином наблюдает. Видит, хозяин нож из-под шкуры вытащил и к Гаттэ подкрадывается. Вот уже замахнулся, чтобы ударить, но тут Серая вскочила, вцепилась ему в руку — нож и выпал.

Человек-паук схватил другой нож, расхохотался:

— Видели стойбище — всё пустое!.. И с вами справлюсь!

Но не тут-то было! Серая набросилась на паука, стала кусать, рвать на нём одежду. Гаттэ тем временем сорвал лук со стены, натянул тугую тетеву. Застонал, заохал человек-паук:

— Берите, что хотите, только не убивайте. Все свои подвалы открою. Все богатства покажу!

— Показывай!

Поднял хозяин шкуры, на которых лежал, а под ними оказался ход в подземелье. Звякнул он ключами, открыл первый подвал, а в нём стены из камней самоцветов выложены, как солнце сияют. Посреди цветы невиданные цветут.

Переступил порог Гаттэ и замер: никогда он таких камней не видел, такими цветами не любовался. Смотрит не насмотрится...

Заметил это человек-паук — и к двери. Но не удалось ему обмануть Серую и мальчика. Схватили они паука и самого заперли в подвале.

Подшли к другому подвалу, а тут заморская змея ручку обвила, шипит, жало выставила. Гаттэ натянул тетиву: он так метко стрелял, что сразу попал ей в голову. Тяжёлая дверь сама открылась, и они увидели девочку.

— Человек-паук съел моего отца и мою мать! — заплакала девочка. — Сегодня он должен был съесть меня... Смотрите, сколько здесь костей!..

Глянул Гаттэ на уложенные горой кости и почувствовал, как на голове поднялись волосы.

Вскоре в стойбище стали собираться люди, которых паука не успел съесть. Долгое время скрывались они в горах — полураздетые, обессиленные, худые... Обступив большую ярангу, люди стали думать, как им с заморским пауком поступить. Долго думали и наконец порешили: заставить его пожить так, как они сами до этого жили. Вывели паука в горы, разули, раздели, никакой пищи не дали. «Много лет ты самые вкусные кушанья ел, спал в тепле, ничего не делал... Поработай, постой на холоде, поголодай».

Сказывали, что заморский паук и недели не протянул.

А тем временем Рантелё продолжал искать своего сына.
— Тебе сын дороже, чем я, — упрекала его жена.
— Он у меня один.
— Ну и ступай к своему сыну!
Надел Рантелё старую кулянку, сунул кусок мяса за пазуху и пошёл через горы в тундру.

Земля слухами полнится. Вскоре пастухи сказали, что они видели мальчика в большом стойбище.

Когда Рантелё встретил сына, радости его не было конца.

А злая мачеха долго ждала мужа и, не дождавшись, сама отправилась искать его. Случайно набрела на тропу, что вела в большое стойбище, но попасть туда не смогла. Серая встретила её таким лаем, что та испугалась, повернула назад в горы, долго бродила там, сбилась с дороги и, говорят, замерзла в Чёртовом ущелье.

ХВОСТ

Идёт белый медведь по ущелью, голову опустил: третьи сутки в рот ничего не брал, еле ноги переставляет. Смотрит, под горой лиса сидит и что-то ест.

- Что ты, лисонька, ешь?
 - Хвост, — отвечает лиса.
 - Хвост?... Какой хвост? Что-то не понимаю.
 - А тут и понимать нечего. Свой хвост.
 - Свой?
 - Ну да.
 - А как же ты без хвоста жить будешь?
 - Глупый ты! — рассмеялась лиса. — Хвост не камень — отрастёт. Ты его сколько ни ешь, а он опять такой же будет... Мне не впервой!
 - Вот оно как, — удивился медведь. — И почему я этого раньше не знал?
 - Потому и голодаешь, что не знал.
- Обрадовался медведь, что наконец поест, потянулся к своему хвосту и так хватил острыми зубами, что почти весь оторвал.
- С тех пор и остался медведь куцом.

КАК ВОРОНЫ ХОТЕЛИ ЧАЙКУ УБИТЬ

Долго летала чайка над морем, и захотелось ей на суше побывать. Полетела она к берегу, видит, на горе избушка стоит.

— Ну вот, здесь я и отдохну, — решила чайка.

Села на крышу, ноги свесила. Сидит, отдыхает. И вдруг слышит, кто-то её за ноги вниз тянет. Спихнулась чайка, но уже было поздно. Вороны, жившие в избушке, крепко держали её.

— Что вы хотите со мною сделать? — испугалась чайка.

— Хотим тебя убить.

— А за что меня убивать?

— За то, что ты белая, как снег, и на нас, ворон, не похожа!

И поняла чайка — пощады не будет.

— Ладно, — говорит она, — ничего не поделаешь. Вы можете поступить со мной, как вам вздумается, но одно прошу — не убивайте меня в доме.

Закаркали, замутили вороны, спрашивают:

— Это почему же?

— В моём теле много крови, и вы всё запачкаете. Отнесите меня хотя бы в сени.

Переглянулись вороны, покеркали, понесли чайку в сени. Только приготовились убивать, а она и говорит:

— Если ваши дети почуют запах крови, они заболеют страшной болезнью. Жалко мне ваших детей. Несите меня во двор, там и убьёте.

Покеркали, переглянулись между собой вороны, понесли чайку во двор. А она опять:

— Во дворе ваши дети играть будут. И если наступят на то место, где хоть капля моей крови упала, превратятся в камни. Несите меня на берег моря: прибой смоем мою кровь, и ничто не будет угрожать вашим детям.

Принесли вороны белую чайку на берег моря, посадили на песок, сами вокруг расселись, думают, как с ней расправиться. А чайка как крикнет:

— Смотрите! Смотрите! Волна дохлого моржа на берег выбросила!

Вороны все сразу повернулись в ту сторону, куда показала чайка. А она тем временем расправила крылья и улетела.

МЗМЫЛЬ И КЭЛЕ

Завыла, застонала зима, заковала море в ледяной панцирь, белым пухом присыпала. Трудно добыть нерпу в такое время. И Мzymыл занялся рыбной ловлей. Встанет чуть свет, прорубит толстый лёд на море и, зная себе, мотает леску. Мотать приходится долго: сайка — рыба донная, а глубина вон какая — пять инопеней сложи, дна не достанешь.

Половит Мzymыл утро, глядишь, полмешка сайки набрал.

Однако не всегда так бывает. Вот сегодня, например, не улов — слёзы. Одному поесть и то не хватит.

Идёт Мzymыл, думает, как зиму прокормиться: семья хоть и небольшая — он да жена — а всё-таки... Идёт, думает: скорей бы в ярангу — чайку попить да в постель под медвежьи шкуры — подрог очу.

А яранга — тут рядом, у обрыва. Стоит на юру одна-одинёшенька.

Совсем недавно стойбище было... Поразъехались люди кто куда: одни в тундру, другие — на острова, а некоторые и вовсе неизвестно куда. Голод всех разогнал. Он, Мzymыл, тоже собирался уехать. Да на чём уедешь — ни собак, ни нарты у него. Можно бы пешком, но как раз в те дни жена приболела...

Так и остался он на старом месте.

Идёт Мzymыл с рыбной ловли, смотрит, на тропе у обрыва кто-то барахтается. Не то зверь, не то человек... «Лучше, пожалуй, обойти», — подумал он. Но как обойдешь — слева скалы, справа — пропасть. Может, назад вернуться? А какой прок — не сейчас, так после всё равно придётся домой идти. «Будь, что будет!» — решил Мzymыл. — Если человек — не страшно, а зверь — так что ж, не впервые со зверем встречаться».

И рыбак пошёл прямо.

Едва поднялся по тропе к обрыву, как увидел перед собой чудовище. Шерсть взлохмачена, лапы с огромными когтями.

— Стой, Мzymыл! — окликнуло чудовище.

Испугался рыбак: откуда оно его имя знает? А чудовище уже приказывает:

— А ну, выкладывай, что там у тебя в мешке!

Не успел Мzymыл развязать мешок, как откуда ни возьмись, подул ветер, началась пурга. Завыло, зашумело вокруг. Как стоял рыбак, так и рухнул в снег, будто кто его камнем по голове стукнул.

А когда очнулся, встал — ни пурги, ни ветра — только мороз зубами поскрипывает. Потянулся к мешку, а там ни одной рыбки не осталось: чудовище всю выгребло.

Вернулся Мzymыл домой, и про всё, что с ним случилось, начал жене рассказывать.

— Кэле! — испугалась жена. — Злой дух — кэле!.. Что ж теперь делать?

Со злым духом мог разговаривать только шаман. Он мог отогнать его. Но шаман живёт далеко, в большом стойбище. Да и не поедет сюда шаман. А если и поедет, так всё равно платить нечем: ни шкур, ни копальхи, ничего у них нет.

Задумался Мzymыл: «Раз кэле тут поселился — добра не жди.»

На второй день утром, прихватив снасть, Мzymыл снова ушёл на рыбалку. Не помирать же с голоду! Прорубил толстый лёд на море, опустил снасть в воду. Жилка натянулась, загудела. Начал мотать Мzymыл и вот те на — три сайки сразу! Такого ещё не было. Забросил снова — и опять три... А дальше пошло такое, что он еле успевал перематывать жилку. Хорошо!

Набрал Мzymыл полный мешок рыбы, вскинул на плечо и довольный пошёл домой. Теперь надолго еды хватит. Идёт, по сторонам поглядывает — вокруг ни души. Нелегко идти на гору, да ничего! Идёт, поспешает, только бы обрыв миновать, а там — дома. Но едва подступил к обрыву, как перед ним снова появился кэле:

— Давно жду тебя, Мzymыл!

И только он это сказал, как день начал меркнуть. Подул ветер. Зашумело, загудело всё вокруг. Что-то тяжёлое навалилось на Мzymyla, придавило к земле, и он будто окаменел...

А когда очнулся, встал на ноги, увидел пустой мешок — ни одной рыбки злой дух не оставил!

Огляделся рыбак — вокруг никого: солнце, мороз и тишина такая, что слышно, как в груди стучит сердце.

Поднял пустой мешок и пошёл домой. Молча вошёл в ярангу, опустился на шкуры. Взглянула на него жена и сразу всё поняла:

— Умрём с голоду, — сказала она. — Уже сегодня есть нечего.

Ничего не ответил Мzymыл, притих, будто его и вовсе нет дома. А вскоре ткнулся лицом в шкуры и заснул.

Настало утро, и он снова пошёл к морю. Снова забросил снасть в прорубы. И опять — удача! Опять много рыбы наловил. Как же её домой донести? Не отдать злому духу?

Собрал Мzymыл рыбу в мешок, подумал и на всякий случай присыпал её сверху снегом.

Идёт по тропке вверх, пыхтит трубкой, смотрит, а у обрыва кэле...

— А-а, рыбак!.. Давно жду.

— Я уже не рыбак, — сказал Мzymыл.

— А кто же ты?

— Снегонос... Снег ношу,— и Мэмыль развязал мешок.— Смотри.
 — А зачем тебе снег?
 — Воду из него делаю.
 — Разве там, у яранги, нет снега?
 — Почему нет, есть,— объяснил рыбак,— но там грязный.
 Кэле заглянул в мешок, потрогал когтями снег, и уже готов был уйти, как вдруг повел тупым волосатым носом и сказал:
 — Нет рыбы, давай табак!
 Табаку у Мэмыля немного, но он с радостью отстегнул кисет: «На, кури!» — отдал вместе с трубкой.

В тот же миг завывало, застонало всё вокруг. Как стоял рыбак, так и повалился в снег. Упал, будто окаменел. А когда очнулся — ни кэле, ни ветра... Глянул, а рядом мешок с рыбой — цел-целёхонек!

Пожалел Мэмыль о табаке, да не очень: без курева можно жить, без пищи — нельзя. Он даже присвистнул, радуясь, что так ловко обвёл кэле. Довольный, вошёл в ярангу, вывалил рыбу на пол:

— Готовь, жена, ужин!
 Удивилась жена: как это он смог?
 — Кэле хитёр, а я хитрее,— подмигнул муж.
 — Что ты! Что ты!... испугалась жена.— Кэле может услышать. Будет плохо...

Но рыбак только рукой махнул. Утром, чуть свет, он снова ушёл к морю. Однако на этот раз прихватил ружьё: ноша невелика, а может пригодиться...

Набрал полный мешок рыбы, присыпал снегом и опять, как всегда, домой... Но едва поднялся к обрыву, как увидел кэле. Злой дух снова подкидал его.

Мэмыль развязал мешок:

— Смотри, снег.
 — Зачем мне твой снег! — кэле отбросил мешок в сторону.— Нужна трубка... Ту, что ты вчера дал, я проглотил...
 — Невелика беда,— отозвался рыбак.— Трубку я тебе новую принес. Вот смотри,— и подал ему ружьё.— Не простая, заморская трубка. На всей Чукотке такой нет.

Поднёс кзле дуло ко рту, сосёт, чмокает губами, затануться хочет, а дыма, как назло, нету.

— Почему так? — спрашивает.

— Ах, прости, пожалуйста, — спохватился рыбак. — Забыл зажечь. Да ты и сам это можешь сделать. Тот конец, что во рту держишь, так и держи, а за этот крючок дёрни — она и разгорится. Смотри только изо рта не вынимай, а то самый первый дым пропадёт.

Засунул кзле дуло в рот, дотянулся лапой до крючка и, как учил рыбак, дёрнул. Старое ружьё бабахнуло, да так, что аж горы вздрогнули, а от кзле только дымок повис над обрывом...

Налетел ветер и развеял, разогнал дым. Из-за туч показалось солнце. Светло вокруг стало.

Мзмышь постоял немного, затем взвалил на плечи мешок с рыбой и пошёл домой.

Много лет ходил он потом по старой тропе у обрыва: и днём, и ночью ходил, но злого духа — кзле — больше не видел.

ЗЕМЛЯ И ВОДА

Заспорила вода с землёю — кто сильнее.

— Я, — сказала вода. — Сколько на свете рек, сколько морей, и все их я наполняю.

— Всё это так, — отвечала земля. — Но реки в моих долинах текут, моря в моих впадинах плещутся. И ты, вода, в моей власти.

— Ещё чего придумала! — рассмеялась вода. — Я вольная и никому не подчиняюсь! Вот захочу — и потеку куда вздумаётся.

— Не потечёшь.

— Потечу!

Не поправились это земле. Набрала она воздуха в грудь и враз выдохнула. Забурлила, помутилась вода в реке, а в самом устье поднялись скалы. Русло загордили. Забилась река о скалы, шумит, пенится, а пробиться не может.

Позлилась, поворчала вода и успокоилась.

— Ну, кто сильнее? — спрашивает земля.

— А это ещё неизвестно... Подумаешь, речку перекрыла... Ты с морем поборись!

— С морем так с морем, — сказала земля.

Набрала она полную грудь воздуха и так сильно выдохнула, что посреди моря огненные горы поднялись. Ринулось море в стороны, от огня подальше, забурлило, забило о скалы, а что толку?

— Ну, как? — спрашивает земля. — Теперь согласна, что я сильнее?

— Нет, — отвечает вода. — Захочу, совсем от тебя уйду, и ты мне ничего не сделаешь.

— Посмотрим.

Меж тем пришло лето, солнышко пригрело. Воде того и надо было. Пре-

вратилась она в пар и полетела в небо. Собралась в тучи, летит по небу, над землёй насмехается.

— А что — не ушла?.. Захочу, поднимусь ещё выше и совсем с глаз твоих скроюсь.

— Не скроешься.

— Скроюсь!

Чем выше поднимались тучи, тем холоднее становился воздух. Вскоре они совсем озябли, застучали зубами от холода. Заплакали. Ливнем стали их слёзы.

Хлещет ливень по земле, приговаривает: «Залью! Затоплю!»

Но земля ничуть не испугалась, собрала воду в реки и опять в море отправилась.

Пуше прежнего разгневалась вода. Снова поднялась в небо, да так высоко, что и самой земли не стало видно. Плывёт по небу и опять хвастается:

— Догони, попробуй!

— А я и не думаю догонять, — говорит земля. — Полетаешь, сама вернёшься.

— Ни за что!

Но тут как раз потянуло холодом. Побелели высокие тучи, превратились в снег.

Посыпался снег на землю — мягкий, пушистый, покойный.

— Вот ты и вернулась, — сказала земля. — Давай лучше не будем спорить. Ничего не сказала вода. Покорилась.

И теперь живут вода с землёю неразлучно, как старые и добрые друзья.

УМКА И ЛЕВ

Нежданно-негаданно пришло письмо на Дальний Север: сам царь зверей, лев, приглашал белого медведя в гости. «Приезжай, — писал он, — хочу поведаться с тобой, о жизни потолковать, а ещё показать тебе свою Жаркую страну. Ты увидишь, мой белый друг, такие чудеса, о которых у вас, на Севере, и понятия не имеют».

Прочитал умка письмо, глаза загорелись. Как не принять такого приглашения! Ведь он, умка, давно мечтал побывать где-нибудь в дальних странах. Есть на свете такие страны, где вовсе зимы не бывает, но что и как там — толком никто не знает. Теперь он сам, своими глазами всё увидит!

Показал умка письмо медведихе:

— Ну, что, мать, на это скажешь?

— Ладно, езжай, — сказала медведиха. — Не первый раз одной дома с детьми оставайтесь.

Облюбовал умка льдину, сложил на неё запасы рыбы, улёгся поудобнее и поплыл.

Долго ли, коротко плыл, спохватился — ни гор, ни берегов не видно — только вода вокруг. Океан... Здорово!

Лежит умка на льдине, ни о чём не думает. А о чём ему думать? Поест, попьёт — и опять на боковую...

Плывёт неделю, другую, плывёт месяц... Вот толку стал замечать, что-то солнце сильно припекает. И стоит оно, солнце, не сбоку, как у него на Севере, а высоко над головой. И ещё странно: льдина, на которой плывёт, с каждым днём всё меньше и меньше становится. Как будто кто-то по ночам её обсасывает.

Прошло ещё несколько дней — и льдина стала совсем маленькой: три шага в длину, два в ширину — немудрено и в воду свалиться. И хотя вода для умки не страшна — он хорошо плавает, — но если льдина совсем растает, где он тогда спать будет?

Как-то проснулся умка, смотрит, а под ним всего-навсего небольшая ледышка осталась. Неосторожно повернулся, и она совсем из-под него ускользнула. Забил лапами по воде, поплыл: ничего, теперь уже близко!

Увидев берег, обрадовался умка. Но что такое? На берегу какие-то столбы, будто мачты корабельные. А на них — не то ремни, не то тряпки... Потом узнал — листьями это называется. А столбы — деревья...

Вылез умка на берег, растянулся на траве и крепко заснул. Но что-то запищало под самым его носом, полезло в ноздри, в рот... Какой там сон! Начал чихать. Замотал головою:

— Перестань!

Но оно зудит, будто не слышит.

Подхватился медведь, побежал. Немного погодя оглянулся — не гонится ли этот зверь-зудило? Нет, не видно. Пошёл, переваливаясь с боку на бок. Смотрит, птица на дереве головою вниз висит. Красивая, перья так и горят на солнце — зелёные, красные...

— Кто тебя подвесил? — спрашивает умка.

— Никто меня не подвешивал. Я всегда так сплю.

— Вверх ногами?.. У тебя же голова может разболеться, и ты ослепнешь.

— Дур-р-р-а-к! — сказала птица.

— Постой, а ты кто же такой невежливый?

— Я попугай!

— А, понимаю — это, значит, который пугает... Но я не из трусливых! Кстатi, почему ты меня дураком обозвал?

— А ты и есть дурак! Такая жара, а ты в шубе!

Обиделся умка, но возражать не стал: в чужой стране ссориться — домой не вернуться. Перевёл разговор на другое:

— Не знаешь ли ты, попугай, где проживает царь зверей — лев?

— Как не знать. Только вчера у него в гостях был! — Попугай повернулся вокруг ветки, уселся на ней. — Так вот, сперва пойдёшь прямо, потом влево, затем ещё прямо... А как увидишь дерево, большое-пребольшое, баобаб называется, так сразу вправо... Понял?

Пошёл умка прямо, потом, как говорил попугай, влево. Затем ещё прямо. Шёл, шёл, видит, деревья стоят, а какое из них баобаб — не знает. Может, то, а может — это? Деревья молчат, а больше спросить не у кого. Куда же идти? Где поворачивать? Почесал затылок, пошёл, лишь бы не стоять на месте: «Авось куда-нибудь выйду!»

Кончились деревья, и перед ним открылся широкий простор: ни куста, ни былинки, один песок. И такой горячий, что ступить боязно.

Прикрыл умка лапой глаза от солнца, стоит, вдаль поглядывает: не видать ли там царя зверей — льва? Что ж, думает, надо идти, искать. Смотрит, да не сон ли это — справа от него море! Широкое, синее! Запрыгал от радости. Побежал к морю. Там, наверное, и лев проживает. Где ж ему жить, как не у моря! Бежит, а сам думает: «Прежде всего порыбачить бы... Три дня в рот ничего не брал. Все надежды на свежий улов».

Долго бежал, а море ничуть не стало ближе. Он к нему, оно — от него. Странно! Но умка не привык сдаваться: «Всё равно добегу!» Подобрал толстый живот — и вприпрыжку, только горячий песок из-под ног летит.

До самого вечера бежал. Устал. Захотелось пить. Всё внутри пересохло. Дышать нечем. Заревел умка, хоть бы глоток воды... Куда же оно девалось,

море! Только было — и нет его. Не могло же оно сквозь землю провалиться. Нет, он найдёт его! Рванулся вперёд, да вдруг захрипел, высунил язык, и с пеной у рта повалился на песок.

Тут его и нашёл лев.

— А-а, здравствуй, дорогой! Как я рад! — заговорил царь зверей. — С приездом тебя!

— Пи-и-и-ть... Дай пить.

— Пить? — удивился лев. — Где ж я тебе возьму... До воды неблизко.

— У тебя ж море...

— Какое море?

— Сам видел... Скорее к морю...

— Ах, вот что, — рассмеялся лев. — Здесь, в пустыне, ещё не то бывает.

Иной раз встанет город — большой, страшный. Я от него, а он за мной... Совсем из сил выбьешь, потом одумаюсь — да ведь это только кажется... Одним словом — мираж.

— Море, город — всё кажется, — с досадой заметил умка. — Может, и ты кажешься?

— Нет, я настоящий.

— Ну, если так, позволь спросить, — перевёл разговор умка. — Где ты купаешься?

— А почему ты думаешь, что я купаюсь?

— Жара такая...

— Разве? Вот не замечал, — удивился лев.

Посидели, помолчали.

— А не кажется ли тебе, что я, твой гость, скоро умру с голоду? — опять заговорил умка.

— Так что ж ты молчал! — спохватился лев. — Пойдём скорее на охоту. Всю ночь шли. Умка еле поспевал за львом. Но вот совсем выдохся, лёг на живот: «Больше не могу».

Не то спал, не то лишь вздремнул умка, но ему снова виделось море, тюлени, рыбка-сайка... Он даже губами причмокивал, будто ел. Открыл глаза и тут увидел царя зверей, который стоял перед ним, держа в зубах кость.

— На, погрызи, а то и впрямь с голоду сдохнешь, — сказал он.

Набрисал умка на кость, но не наелся, только аппетит растревожил. По неволе родные места вспомнил. Хорошо там, на Севере, всякой пищи вдоволь.

— Ну, как, подкрепился? — спрашивает лев.

Умка проглотил слюну и говорит:

— Загостился я у тебя... Пора домой. Там жена, дети...

— И куда ты торопишься? — удивился лев. — Мы ж ещё в джунглях с тобой не были... Там слоны, обезьяны...

— Нет, мне домой...

Но лев ещё три дня и три ночи не отпускал умку. С охотой ничего не вышло, и они снова подкрепились костями. Потом лев наконец напоил гостя из тёплой лужи. А когда прилегли отдохнуть, всё спрашивал, как ему Жаркая страна понравилась.

Хорошая страна, — отвечал гость. — Вот только моря не хватает... Если б море, тюлени да снег, вот тогда бы...

На рассвете они расстались.

Много дней и ночей шагал по песку умка. Потом плыл по морю, пока наконец не добрался домой, на свой Дальний Север.

Медведиха сперва не узнала его. Уж больно похудел, шерсть в колтуны свисала.

Но вскоре умка отъелся, разжирел, зажил по-прежнему. И вот он услышал, что царь зверей собирается к нему в гости.

Встретил его умка, как положено, и говорит:

— Прежде всего, помойся с дороги.

«А почему бы и не помыться? — подумал лев. — Всю жизнь не мылся. Там, дома, с водой не так просто. А тут её вон сколько!»

— Давай помоюсь.

Привёл умка льва на берег моря и стал показывать, как это делается: разбежался и... бултых в воду! Поплавал маленько, понырнул. На льдину вылез, лежит, отдыхает.

Пощупал воду гость, скривился — больно холодная. Да и в море сроду ногой не ступал. Но с другой стороны, как-то неловко — умка ещё подумает, что он, царь зверей, воды боится. Разбежался лев, чтобы в воду прыгнуть, и... остановился. Сжался в комок, дрожит.

— Что же ты? — удивился хозяин.

— Нет, ничего... Я... — и стал медленно сползать с берега, держась за камни.

Но вдруг сорвался, полетел в воду. Фыркает, бьёт лапами по воде, а сам всё больше погружается. Оказалось, что царь зверей и плавать-то как следует не умеет.

Вытанил его умка на берег: «Ничего, — говорит, — научишься». Лежит лев на мёрзлой земле, дрожит, зуб на зуб не попадает. Грива на нём вся в сульках.

— На, поешь, согреешься, — и хозяин предложил ему сайку.

Взял гость рыбу, толкает хвостом в рот, а она не лезет.

— Кто же так ест! — рассмеялся умка.

Тут лев хотел было ближе к нему подойти, да как заревёт: что-то больно стало, не может с места сдвинуться.

— Ты же пример! — ужаснулся умка.

Не понял царь зверей, как это можно примёрзнуть, рванулся изо всех сил и ещё пуще заревел: шерсть на льду осталась. Пузо голое... А умка, как назло, спрашивает:

— Ну, как тебе мой Дальний Север?.. Понравился?
Топчется лев на месте, трясёт гривой: бр-р, холодно! Но виду не подаёт, важно так отвечает:

— Замечательный край. Не страна — чудо! Вот только по мелочи кое-чего не хватает... Песку, например, горячего... Если б песок, да солнце, да ещё бы... зебры, вот тогда бы совсем хорошо...

ЭСКИМОС И ЧУКЧА

Едет чукча Анкай, на собак покрикивает, а они, знай, бегут и бегут. Легко скользит нарта по крепкому насту. Вокруг тишина немая. Смотрит Анкай, впереди упряжка показалась. Опытный охотник сразу распознал в хозяйне упряжки эскимоса: и шапка у него не такая, и сидит он не так, как чукча. Присмотрелся Анкай — да это же Гэк, сын недоброго и злого Ральтуге!

Ушелье, как на грех, было таким узким, что не только свернуть в сторону, разминуться невозможно.

Упряжки остановились одна против другой. Коренастый, грозный на вид Гэк соскочил с нарты.

— Анка-ай?..

— Да, я, — ответил чукча, и почувствовал, как у самого задрожали колени, а по спине пробежал мороз.

Всю жизнь их отцы враждовали между собою. Не один раз доходило у них до драки. Да и было за что подражаться! Выйдет, бывало, отец Анкай, чтобы капканы проверить, а там на снегу следы торбазов Ральтуге. И в капканах ничего...

В свою очередь, Ральтуге обвинял отца Анкай в колдовстве, поэтому будто его стрела не попадает в зверя...

От отцов вражда перешла к детям.

И вот сегодня, увидев Гэка, Анкай приготовился ко всему.

Переступая с ноги на ногу, Гэк топтался на месте, но вот, взяв острол, медленно подошёл к Анкаю. Казалось, сейчас он вскинет эту тяжёлую дубину и начнёт колотить его, чукчу.

Но эскимос воткнул остог в снег, вынул трубку и спросил:

— Табак есть?

Анкай посмотрел на Гэка, на его волосатое лицо, отстегнул и подал мешочек с табаком. Тот набил трубку, разжёг её и стал рассматривать Анкаю. Насторожился Анкай. Этот здоровяк, как ему показалось, замышлял что-то недоброе.

Эскимос тем временем выкурил трубку, выбил не спеша пепел из неё и сказал:

— Ты угостил меня табаком, дарю тебе трубку.

По обычаю нельзя было отказываться от подарка. Анкай взял трубку.

— Но с какой стати ты мне подарки даришь? — удивился он. — Наши отцы всегда были в ссоре, и такого никогда не было...

— Да, не было, — подхватил Гэк. — Но теперь будет. Мы теперь друзья, братья... Так сказал Ленин.

— Ленин?.. Кто он?

Гэк похлопал Анкаю по плечу, улыбнулся:

— Ленин — отец бедных. Он из стойбища Москва...

— Отец бедных... Значит, наш отец! — воскликнул чукча.

Тут он снял с пояса старый, украшенный резьбою нож, и преподнёс его эскимосу.

Тот принял подарок и сказал:

— Твой нож дороже моей трубки. Во много раз дороже... Дарю тебе ружьё... Бери, так будет хорошо.

— Ой, нет, — запротестовал чукча. — Ружьё дороже ножа. Не могу оставаться у тебя в долгу. Вот возьми ещё шкуры...

Взял эскимос шкуры, уж больно хороши.

— Чем же я отблагодарю тебя? — и оглядев свою нарту, вдруг сказал: — Дарю тебе свою упряжку.

Принял Анкай упряжку — прекрасная упряжка!

— Знаешь что, друг, — сказал он эскимосу, — принимай всех моих собак!

— Замечательные собаки, — похвалил эскимос. — Но чем я тебя отблагодарю?

Он порылся в карманах и сказал:

— Вот что, возьми назад свой нож. Так будет хорошо.

— Ой, нет, это много, — сказал чукча. — Возьми назад свою трубку. Так будет хорошо.

— Э-э, нет, — возразил эскимос, — возьми назад шкуры.

— Тогда возьми своё ружьё, — сказал чукча.

— А ты свою упряжку...

— Погоди, не торопись, — рассудил чукча. — Насчёт упряжки я думаю так. Ущелье, сам видишь, узкое, развернуться негде. Пускай моя упряжка останется тебе.

— А моя — тебе, — подхватил эскимос.

Тут охотники рассмеялись и крепко пожали друг другу руки.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕРНАЯ ПТИЦА	3
ВСЕМОГУЩАЯ КАТГЫРГЫН	6
МЕДВЕДЬ И ВЕТЕР	10
КАК ВОРОНА ЛИСУ ПЕРЕХИТРИЛА	11
ОЛЕНЬ И МОРСКОЙ БЫЧОК	13
ХУДАЯ СЛАВА	14
ЛИСА И МЕДВЕДЬ	18
СКАЗКА ПРО МАЛЬЧИКА ГАТТЭ, ПРО ЗЛУЮ МАЧЕХУ И ЗАМОРСКОГО ПАУКА	20
ХВОСТ	24
КАК ВОРОНЫ ХОТЕЛИ ЧАЙКУ УБИТЬ	25
МЭМЫЛЬ И КЭЛЕ	26
ЗЕМЛЯ И ВОДА	30
УМКА И ЛЕВ	32
ЭСКИМОС И ЧУКЧА	37

Художник П. П. Островский

Для детей дошкольного и младшего школьного возраста

АЛЕКСАНДР НИКИТИЧ ЛОЗНЕВОЙ

ЧЕРНАЯ ПТИЦА

Редактор Т. А. Лебедева. Худож.-редактор Н. А. Кудрячев. Техн.-редактор Т. В. Плотникова.
Корректоры С. А. Кузнецова, С. М. Кадомникова.

ИБ 316

Сдано в набор 20.09.77 г. Подписано в печать 6.05.78 г. Формат бумаги 60×90/8 — 5 л. л., 4,88 ут.-изд. л. Тираж 400 000 экз. (заказ 1 — 200 000 экз.). Бумага офсетная № 2. Южно-Уральское книжное издательство, г. Челябинск, пл. Революции, 2. Областная типография Челябин. обл. ун.-научного издательства, полиграфия и книжной торговли, г. Челябинск, ул. Творческая, 127.

Заказ № 4166
Цена 30 коп.

70802—047

58—78

М162(03)—78